

— Я тебя уверяю, это будет нечто незабываемое! Мне говорили, что он просто мастер по части шоу, — шептала на ухо невесте подруга, — в интернете одни положительные отзывы. Буря восторгов.

— Да, но где он? — резонно возразила невеста.

Действительно, шел второй час свадебного застолья, а обещанная шоу-программа еще даже не начиналась. Половина приглашенных гостей была уже изрядна навеселе. Музыку приглушили и зал, точно улей, издавал монотонный гул десятков голосов. Гости давно разбились на небольшие кучки и каждый обсуждал свое.

— Такой ужас я вижу впервые! — злобно ворчала мама невесты, неприязненно оглядывая зал, — Это так не похоже на нашу Машеньку. Устроить вместо свадьбы какой-то сатанинский шабаш. Уверена, это все Максим ей голову запудрил. Ой, пропадет она с ним.

— Да л-а-а-д-н-о тебе, Света, — закусив салатом очередную стопку водки, произнес захмелевший отец, — наша Машка тоже не подарок. А мне все нравиться. Необычно.

Свадьба, действительно была немного странной. В полутемном зале, залитом приглушенным красным светом, с бокалами в руках расхаживали гости в совсем не свадебных костюмах. На одном был одет черный длинный плащ с капюшоном, а в черной перчатке с рисунком кистевого скелета, была зажата огромная пластиковая коса. Импровизированная смерть весело покручивала сверкающим лезвием, о чем-то увлеченно споря с низкорослым пухлым парнем, одетом в смешные пузатые штаны, доходящие до груди, огромные ботинки и маску гнома. На голове последнего весело подпрыгивала кисточка зеленого колпака. По залу проплыла стройная брюнетка в короткой порхающей юбочонке, демонстрирующей всем аппетитные буточки, разделенные черной полоской трусиков. На лице ее, прикрытом широкополой черной шляпой была одета ужасная маска ведьмы с огромной бородавкой на горбатом носу. Кого тут только не было. И средневековый рыцарь, и лохматый чеширский кот, и непонятного пола привидение, облаченное в белую простыню. Жених в старомодном фраке вальяжно беседовал со своей младшей сестрой, худенькой высокой девушкой, в зеленых эльфийских одеждах. Сама невеста сидела за праздничным столом с густо-напомаженными черными губами, глубокими тенями под глазами, подчеркивающими ее выразительный взгляд и нарисованной тонкой струйкой крови, будто бы вытекающей из уголка губ.

— Не спеши, — уговаривала ее подруга, облаченная в облегающий латексный костюм женщины-кошки, — это же тебе не детский утренник. Ему нужно подготовиться. К тому же, должен быть эффект неожиданности. Не зря же мы так долго ждали именно эту дату. В хеллоуин все должно быть по-настоящему.

— Уфф... да, я знаю. Но это ожидание начинает меня утомлять. К тому же предки... их кислые лица портят всю атмосферу. Неужели папа не нашел ничего более оригинального чем эта затасканная жилетка и розовый галстук? Еще и напиться уже успел.

— Я тебе сразу говорила, что лучше ограничиться молодежной компанией, — согласно кивнула подружка.

Тут свет в зале стал плавно гаснуть, и помещение погрузилось в полный мрак. Послышались робкие смешки и шутки про рыжего демона энергетики.

— Прошу прощения, что заставил уважаемых гостей ждать! — раздался тихий, но отчетливо слышный в каждом уголке зала голос, — Я так не люблю электрического света. Это холодно. Это мёртво!

У дверей зала вдруг вспыхнула большая свеча, освещая желтым, играющим светом лицо странного человека с большим орлиным носом и огромными черными бровями. На скулах его играли желваки, особенно подчеркнутые сейчас слабым светом свечи. Одет он был в какой-то темный байковый халат и домашние стоптанные тапочки. На голове было некое подобие берета. Но сейчас, когда он медленно продвигался от двери вглубь банкетного зала, казалось, что по воздуху плывет только бледное усталое лицо, а чуть впереди, освещая его, летела костлявая рука с зажатой в ней толстой, немного искривленной свечой.

— Совсем другое дело живой огонь, — черные глаза незнакомца внимательно исследовали каждого гостя, сидевшего за столом, — он напоминает нам о жизни, отом, что сердце еще бьется в груди, что кровь еще бурлит в венах.

В зале стояла кладбищенская тишина. Человек остановился напротив невесты. Легкая усмешка коснулась его губ.

— Да... этот танцующий огонек на конце свечи говорит нам о том, что жизнь еще в самом разгаре. Время плясать, веселиться и получать все наслаждения, доступные и еще пока скрытые под покрывалом неизвестности. Этот огонь живет в каждом из нас.

Заинтересованный взгляд переместился на родителей невесты.

— Скажите мадам, какие виды наслаждений Вы предпочитаете? — наклонился он к испуганной новоиспеченной теще. Та как-то нервно пожала плечами и ничего не ответила, покосившись на мужа, устало подпирающего голову рукой.

— Уверяю вас, что удовольствия не всегда ограничиваются тем, чтобы побольше и повкуснее поесть, послать попить, или... засунуть в себя что-либо более изощренное, — теперь незнакомец замер возле полуобнаженной ведьмы, с интересом разглядывая ее стройное тело. Следом пламя выхватило из мрака --улыбающееся лицо жениха.

— Проблема всех этих удовольствий всегда заключается в одном. Чем сильнее огонек колышется на ветру страстей, тем быстрее... — тонкие губы незнакомца вытянулись в трубочку. Легкий выдох и пламя свечи, задрожав, потухло, — ... вы погружаетесь в холодный мрак, выбраться из которого подчасуже невозможно.

В зале воцарилось гробовое молчанье.

— Впрочем, не будем о грустном! — На стенах вдруг разом вспыхнули несколько десятков праздничных свечей, заливая помещение приятным «живым» светом. взгляд в немой просьбе не портить праздник. — Как будет угодно, — улыбнулся ведущий, — в таком случае, ваши роли остаются на мое усмотрение.

— Мы не собираемся принимать участия в вашем балагане, — Светлана Георгиевна уселась на стул и демонстративно отвернулась в сторону. Голова ее дремлющего мужа при этом соскочила с руки и устало шлепнулась щекой в тарелку с салатом.

— Итак, господа, — оставляя даму в покое, ведущий снова обратился к гостям, — чтобы наш праздник не походил на траурную церемонию, прошу вас поприветствовать мой великолепный оркестр, ибо музыка, как и свет, должна быть только живой.

Начавшиеся было овации тут же стали стихать, когда в дверях банкетного зала показался невысокий зеленый человек, больше всего напоминавший гоблина. Сгорбившись, он с трудом тащил на спине огромный контрабас. Безобразное лицо с огромным носом и впалыми

глазами перекосила гримаса усталости и боли. Следом за ним показался точно такой же гоблин, со скрипкой в руках. Руки у них были длинные, достающие почти до земли, а ноги, напротив, очень короткие. Дополнительный шок вызвал тот факт, что ни о какой одежде музыканты слухом не слыхивали. Их через-чур длинные зеленые фаллосы, весело болтались между ног, доставая порой до самого пола. Раскрыв рот от удивления, Светлана Георгиевна проводила взглядом последнего музыканта с губной гармошкой и, побледнев, перевела взгляд на ведущего.

Рассевшись на стульях, гоблины приготовили инструменты и замерли, надменно прикрыв глаза.

— Прошу жениха и невесту на сцену! — радостно возвестил ведущий.

Оркестр грянул марш Мендельсона, и жених гордо вывел свою благоверную из-за стола. Лицо его, так же было покрыто белым гримом, а на щеках красовались выведенные черным карандашом капли слез, «текающих» с век.

— Позвольте поинтересоваться у многоуважаемого жениха, чем же привлекла его внимание эта милая вампирша с зелеными как изумруд глазами?

Жених с улыбкой взглянул на невесту.

— Трудно выделить что-то конкретно, — подумав, признался он, — я помню, когда впервые ее увидел, то буквально потерял голову.

— О, что вы! — наигранно испугался ведущий, — Терять голову в наше время очень опасно! Это может привести к неприятностям. Хотя, по «слезам» на Вашем лице, я вижу, что неприятности все же не миновали Вас.

— Нет, нет! — весело засмеялся жених, — Поверьте, это слезы счастья!

— Ах вот оно что? — расплылся в довольной улыбке ведущий, — ну, в таком случае, может, вы поделитесь с нашими гостями своим счастливым опытом?

— Каким именно? — непонимающе улыбался Маким.

— Опытом потери головы, разумеется, — вскинул брови ведущий, — Вермонд, помоги юноше. Волк, отрешенно сидевший за спиной Мидгарда, вдруг оживился, приподнялся на задних лапах, и на секунду замерев, прицеливаясь, совершил стремительный прыжок вперед. Мощные челюсти с лязгом сомкнулись, перекусывая шейные позвонки жениха. Голова с глухим стуком ударилась о мягкий ворс, заливая дорогой ковер, алыми брызгами. Тело так и продолжало стоять посреди комнаты, растерянно ворочая изуродованной шеей, из которой упругими фонтанчиками устремлялась наружу горячая кровь. Страшный визг наполнил зал. Невеста в ужасе отпрыгнула назад и упала на пол, продолжая неистово кричать, глядя как забрызганная кровью голова Максима растерянно улыбается ей у ног ведущего. Подружка Настя молча раскрыла рот, пытаясь придумать объяснение такому фокусу. В том, что это какой-то хитрый фокус она ни секунду не сомневалась. Громче всех кричала сейчас, пожалуй, Светлана Георгиевна. Опрокидывая бокалы и тарелки, она вырвалась из-за стола и опрометью побежала к двери. Но двери больше не существовало. Вместо нее в стене зала была глубокая ниша, где угрожающе скалил зубы огромный лев, искусство высеченный из камня.

— Ну что же это такое! Сколько она может визжать! — недовольно закрыл уши Мидгард и поморщился, — умоляю вас, любезный, займите рот вашей тещи чем-нибудь полезным, а то она испортит нам весь праздник.

Бледные пальцы едва коснулись плеча жениха и обезглавленное тело уверенно, не разбирай

дороги, направилось к Светлане Георгиевне. Под лакированными ботинками хрустело стекло, поваленных испуганной женщиной тарелок.

— А-а-а-а-а-а! — заорала она, вжимаясь в стену, когда жених без головы подошел к ней в плотную, закрывая пути к отступлению. Уверенным жестом он расстегнул ширинку брюк и вывалил наружу свое увесистое хозяйство.

— Попробуйте, уважаемая, — рассмеялся ведущий, — уверяю Вас, это не заразно. Никто кроме Вашей дочери им не пользовался!

Светлана Георгиевна, продолжала повизгивать, пялясь безумными глазами на большую красную головку, нетерпеливо приближающуюся к ее лицу. В зале наступила тишина. Все с замиранием сердца следили за развитием событий. Жених уверенно запустил руку в белые кудри тёщи, и с размаху вогнал свой член прямо в ее раскрытый от удивления рот. Женщина завертелась, пытаясь вырваться из крепких объятий, но тщетно. Возбужденный член уже жадно хлюпал у нее во рту, перекрывая дыханье.

— Итак, господа, — весело продолжал ведущий, подняв с пола голову и нежно поглаживая ее, словно кошку за ушком, — предлагаю Вашему вниманию наш первый конкурс. Назовем его... ну, скажем, «Тёщин язык».

В этот момент тело жениха задергалось в конвульсиях и он глубже вогнал член в горло. Светлана Георгиевна закашлялась, пытаясь освободиться. Из уголков ее губ потекли вниз потоки белой жидкости.

— Пейте, пейте, уважаемая, — подбадривал Мидгард, — за здоровье молодых!

— Хотя какое тут к черту может быть здоровье, — пробубнил он в полголоса и повернулся к невесте, — А вы милочка будьте осторожны! Ваш жених слишком часто теряет голову.

Он еще раз взглянул в удивленные глаза Максима и с размаху бросил голову гостям.

— А-а-а-а-й! — закричала девушка-мальвина, поймавшая ее в руки, и тут же бросила под стол. В этот момент с шумом грохнулось на пол тело жениха, а Светлана Георгиевна медленно сползла по стене, глядя перед собой остекленелыми глазами. Из приоткрытых губ ее вытекала густая полупрозрачная струйка. В тот же самый момент две свечи, горевшие на стене, разом погасли, устремляя в потолок тонкие струйки сизого дыма.

— Ну что ж! — громогласно произнес ведущий, — настало время нам всем выпить! Поднимем бокалы, друзья!

Гости с ужасом наблюдали, как в стоявших на столах бокалах вдруг стала появляться, пенясь и бурля, какая-то ярко красная жидкость. Такой же бокал был сейчас и в руках самого ведущего. Зал замер в нерешительности.

— Как же так? — изумился Мидгард, — Свадьба и без вина? В первый раз такое вижу!

Уважаемая невеста, — повернулся он к девушке, до сих пор обескураженно сидевшей на полу, — подайте пример гостям! Выпейте!

Он присел на колени и поднес бокал к ее накрашенным губкам. Маша растерянно пригубила странный напиток.

— Великолепно! — обрадовался ведущий, — Наш праздник продолжается!

Невеста стала стремительно меняться. Глаза ее загорелись странным огоньком, словно где-то в их темной глубине вспыхнул маленький факел. Верхнюю губу хищно оттянули увеличивающиеся в размерах клыки. Она не спеша присела на колено, грозно оглядывая зал, и, вдруг с оглушительным свистом взлетела под потолок. Секунда, и она уже стрелой летела в толпу, испуганно шарахнувшуюся в стороны, повалив навзничь какого-то долговязого юношу

в синем фраке и старомодной шляпе. Молодой человек с ужасом смотрел на оскалившую клыки вампиршу, оседлавшую его.

— Х-х-а-а-а-а, — выдохнула невеста, приближая свое лицо к лицу юноши. Рукой она схватила его за волосы, и отвела голову чуть в сторону, любуясь часто пульсирующей голубой артерией на шее. Прижав ошелевшего парня за плечи к полу, девушка нагнулась и, сладко прикрыв глаза, провела языком по бледной коже, ощущая, как сильными толчками движется под ней молодая кровь. В азарте возбуждения невеста стащила со своей жертвы брюки вместе с трусами, и на всеобщее обозрение выпал съежившийся от неожиданности, робко выглядывающий из густых черных волос член. Девица же одним созерцанием не ограничилась. Она стала остервенело рвать на себе одежду. В сторону полетели обрывки платья, черные узкие стринги и полупрозрачный лифчик. Красивое, заботливо подготовленное для первой брачной ночи молодое тело с гладко выбритой промежностью и заманчивоторчащими бурыми сосками, не могло не привлечь внимание молодого человека. Он пожирал взглядом невесту, а скрюченный член стал быстро наливаться кровью. Зрачки вампирши расширились. Тонкая струйка слюны скатилась по подбородку. С рычаньем она кинулась вперед, устраиваясь широко разведенными бедрами на жертве. Нетерпеливыми движениями руки, изнывающая от желания девушка, пыталась ввести в себя набирающий силу член. Ее вагина уже раскрылась, орошая частыми каплями выглянувшую ей на встречу красную головку. Юноша тяжело застонал, когда сумасшедшая вампирша все же погрузила в себя его орудие, и покорно закрыл глаза. — А-а-а-х-х-х-х, — выдохнула невеста, глубоко насыживаясь на парня. Не теряя времени, она пустилась в стремительные скачки, размашисто работая бедрами. Голые груди при этом весело подпрыгивали прямо перед глазами завороженной жертвы. Гости заинтересованно перешептывались.

— Это двоюродный брат жениха, — тихо сказал кому-то на ухо парень в костюме клоуна, — вот повезло пацану. Я бы тоже так не против.

Сцена безумной любви постепенно настолько завела окружающих, что страх перед происходящим окончательно растворился в наполнивших помещение стонах, рычания и заманчивого хлюпанья блестящей от соков вагины невесты. Юноша вдруг задергался и со стоном закрыл глаза. В тот же момент вампирша, уже почувствовавшая как ее изнутри наполняют горячие струи, упала на свою жертву грудью и с размаху вонзила, блеснувшие слюной клыки, в нежную тонкую шею. Стоны тут же сменились булькающими хрипами. Теплая упругая струя давно желанной крови ударила в горло невесте, и она, содрогаясь в серии оргазмов, жадно пила ее, продолжая активно работать бедрами. Молодой человек еще несколько раз судорожно дернулся и затих. На стене, жалобно моргнув, погасла еще одна свеча. Мидгард довольно улыбался, глядя как опьяненная девушка медленно сползала с безжизненного тела. С ее подбородка крупными каплями падала вниз соленая кровь, пачкая возбужденные соски. Осоловелыми глазами она обвела стоявших рядом гостей, выбирая себе очередную жертву.

— Bay! — отчетливо прозвучал в полной тишине голос подружки невесты. Все обернулись. Настасья с удивленными глазами подняла свой бокал, оглядела жидкость на свет, и решительно выпила все до дна. Удивленно расширенные зрачки девушки вдруг сузились, превращаясь в узкую полоску. Лицо и шея стали сливаться с костюмом, темнея и покрываясь мелкими темными волосками. Искусственные ушки на голове вдруг ожили и настороженно повернулись в стороны, а над розовой губой выросли несколько маленьких длинных усиков.

Женщина-кошка медленно потянулась и грациозно выгнула спину. Ее янтарно-желтые глаза довольно зажмурились

— М-р-р-р-р, — тихо проурчала она, и в ту же секунду опьяненные кровью и похотью гости ринулись к бокалам. Происходило удивительное превращение. Человек в белой простыне вдруг стал прозрачным, сливаясь в едва различимый морок. Гном еще больше раздулся в размерах. Его белая длинная борода из ватной превратилась в самую настоящую седую, а на уродливом лице ведьмы выскоцил огромный красный прыщ. Люди с удивлением и восторгом рассматривали друг друга. В глазах их постепенно просыпалась неудержимая похоть.

Поменялся и сам зал. Каменные стены, с прступающим на них орнаментом, больше всего напоминавшим кельтские узоры, вырастали, поднимая потолок куда-то в тёмную высь. В углах зала яркими угольками вспыхнули глаза каких-то трудно различимых каменных чудовищ. Громкий утробный рык эхом разлетелся по залу, и вслед за ним большая белая тень мелькнула среди гостей.

— М-и-и-и-и-а-а-у! — взвизнула кошка, тут же придавленная волком к полу. Лежа на животе, она скребла длинными ноготками по ковру, пытаясь вырваться из-под лохматой туши, но волк мощной лапой легко, как игрушку, удерживал ее. Он взмахнул пушистым хвостом и все увидели длинный красный член, быстро вырастающий между белых мохнатых лап. Вермонд опустился на передние лапы, огромной пастью хватая кошку за холку и пристраивая свой орган ей под хвост.

— М-и-и-а-а-а-а-а-а-у-у! — кошка неистово орала, оскалив маленькие белые клыки, но поделать уже ничего не могла. Жарко дыша ей в шею, волк нетерпеливо двигал бедрами, пытаясь попасть в вожделенную дырочку. Слюна стекала по его языку, пачкая лосняющуюся черную шерсть женщины-кошки.

Зал наполнил гомон из криков, стонов и хохота. Распластавшись на праздничном столе, извивалась в страстных движениях и возбужденно стонала молоденькая красная шапочка. Ее обнаженные бедра были широко разведены, а подол пышной юбки задран вверх, обнажая блестящий лобок и открытые половые губы. В полумраке зала трудно было различить едва заметный белесый силуэт призрака, опустившегося на нее сверху. Со стороны казалось, что вагина девушки сама раскрывается, принимая в себя что-то невидимое. Громыхая железом пробежал по залу средневековый рыцарь, пытаясь догнать молодую обнаженную ведьму, с истеричным смехом, лавирующей на потрёпанной метле, среди царящей вакханалии. На ставшем серым ковре, в центре зала была свалка из полуобнаженных, перепачканных в остатках салата и вина телах гостей. Неистовое совокупление носило массовый и беспорядочный характер. Сладострастные звуки порой прерывались криками боли или звонкими стонами оргазма. В темном углу происходила яростная схватка между молодой высокой эльфийкой и маленьkim коренастым гномом с огромным топором наперевес. И только призрачная смерть одиноко проносилась над гостями, легкими взмахами острой косы вырывая из толпы то одного, то другого пресытившегося удовольствиями. Горячие фонтаны артериальной крови орошали разгоряченные тела живых. При этом на стенах постепенно гасли свечи, погружая зал во все больший мрак. Разъяренный волк уже давно дорвался до своей цели, и теперь быстрыми движениями сношал визжащую кошку, довольно порыкивая ей на ухо. Синеволосая Мальвина страстно стонала, сидя на стуле с разведенными в стороны ногами. Руками она крепкоприжимала к своей промежности бледную голову жениха. Последний длинным языком выводил замысловатые узоры на истекающих соками половых

губахорганизирующей куклы. Невеста же оказалась в пленау оставшихся без дела музыкантов. Сразу два длинноющих зеленых члена сейчас входили в нее, изливаясь внутри потоками мутной синеватой жидкости, которая непрерывно стекала вниз по истерзанным бедрам. Длинные уродливые пальцы гоблинов с крупными частыми суставами, жадно исследовали пылкое тело молодой вампирши, крепко сжимали белые груди и тискали соски. Глупый контрабасист, жадно сглотнув слону, пристроился над головой, поваленной на пол невесты, и попытался пропихнуть свою огромную зеленую головку в ее приоткрытые губы. Но довольный вздох тут же сменился воплем ужаса, когда острые клыки сомкнулись, отрывая добрую половину зеленого хозяйства. Гоблин упал на пол, сжимая руками остатки члена и, жалобно подывая, катался по полу, под визгливый смех своих сородичей.

Мидгард устало присел на стул и отрешенно огляделся. Закованый в железный панцирь рыцарь сумел-таки зажать обнаженную ведьму в тесном углу, но сделать все равно ничего не мог. Забрала на причинном месте не существовало, и он только беспомощно двигал бедрами, оглушая волшебника железным грохотом.

— Вермонд, выключи эту кастрюлю, — раздраженно произнес ведущий. Взъерошенный волк не спеша извлек свой обмякший член из растерзанной дырочки кошки, ничком лежащей на полу. Из огромной раны на ее шее вытекала алая кровь, образуя на ковре большую вязкую лужу. Вермонд встрепенулся и послушно бросился к неугомонному рыцарю. Даже толстый железный панцирь не смог остановить натиск мощных когтей и клыков. Скрип разрываемого железа завершился клокочущим воплем, и длинная вязкая струя крови окрасила каменную стену. Звуки потихоньку затихали. Окровавленные истерзанные тела устилали, ставший влажным ковер.

Противостояние гнома и эльфийки закончилось победой представителя подземелий. Ощерив крупные желтые зубы, он навалился на смертельно раненную девушку, сжимая ее запястья своей огромной ручищкой. Распаленный в схватке, он даже не удосужился вытащить торчащий в предплечье маленький кинжал с зеленой янтарной рукоятью. Тонкая короткая юбка девушки была надорвана, а девственно нежные бедра разведены в стороны, обнажая самое сокровенное. Гном, нервно пыхтя, пристроил свой неимоверно толстый детородный орган к маленьким розовым половым губкам эльфийки, и нетерпеливо вздохнув, ринулся в новую атаку. Из-под крепко зажмуренных век девушки вытекли несколько крупных слезинок. Ее неподготовленная вагина сильно растянулась, принимая в себя гномий инструмент, и даже стала кровоточить, однако из бледных губ эльфийки не вырвалось ни единого стона или мольбы о пощаде. Гном не спешил. Он медленно, с удовольствием наслаждался победой, то совершая неспешные фрикции, крепко удерживая ее свободной рукой за бедра, то замирая на несколько секунд, надменно разглядывая полуобнаженную девушку. Но постепенно его глаза осоловели, из приоткрытого рта вырывалось горячее зловонное дыхание, а движения становились все быстрее. Через минуту гном огласил замерший в тишине зал протяжным криком удовольствия и, быстро работая бедрами, стал заполнять юную эльфийку потоками густой спермы. В экстазе он даже не заметил выросшую за спиной зловещую тень с острой косой в руках. Смерть, иронично оскалив костлявую челюсть, ожидала окончания победного акта, готовясь сказать свое последнее веское слово. И как только гном устало облокотился руками о перепачканный стол, коса со свистом прорезала воздух, превращая недавнего победителя в две симметричные половинки, которые с противными шлепками упали по разные стороны от своей недавней жертвы. Мрачную картину кровавого разрвата осталась

освещать всего одна тусклая свечка, отбрасывая неровные тени на лысеющую макушку отца невесты, мирно похрапывающего лицом в салате.

— Уважаемые гости! — вдруг огласил молчаливый зал звонкий голос ведущего, — Я надеюсь, что смог удовлетворить все ваши пожелания относительно безудержного веселья и страстей. Мидгард не спеша шел по окровавленному полу, в полумраке безошибочно переступая через лежащие в невообразимых позах растерзанные трупы и части тела гостей. Белоснежный волк преданно шел следом, усердно облизывая языком свою огромную морду, перепачканную кровью. Ответить ведущему уже никто не мог. Только зеленые гоблины испуганно обернулись и сбились в кучку у двери.

— Счастье, — тихо произнес волшебник, останавливаясь у стола, — меня так часто просят о нем. А что оно есть в сущности? А, Вермонд? — он добродушно потрепал волка по загривку. Зверь фыркнул и обтерся мохнатой щекой и ногу своего хозяина, — Вот и я не знаю...

Мидгард положил руку на голову мирно спящего мужчины.

— А вот он, похоже, счастлив. Что ему еще нужно? Я думаю, что счастье, мой милый друг, вовсе не так трудно обрести. Гораздо труднее его удержать. А еще труднее за него заплатить. Ведь стоит это удовольствие порой очень-очень дорого, — за волосы он повернул отца невесты лицом в тарелку и с силой вжал его голову в жирную массы мясного салата, пережиная судорожные конвульсии. Вскоре последняя свеча испустила последние слезы растаявшего воска и угасла, оставляя после себя в темноте едва заметный тлеющий уголек фитиля.

— Пойдем, Вермонд, пойдем, — прозвучал в темноте тихий голос, — может быть и нам повезет когда-нибудь. А сегодня у нас еще много дел.

В кромешной тьме вдруг ярко вспыхнул проем открывшейся двери и в этом проеме возникли две темные фигуры: высокого человека в приплюснутом берете на голове, и огромного волка с настороженно торчащими ушами. Они постояли так немного и двинулись дальше, исчезая в слепящем свете.

Тяжелая дубовая дверь с грохотом захлопнулась, и в тот же самый миг темный зал вновь осветился десятками вспыхнувших веселыми огоньками свечей.